

Нужно ли сохранять «хрестоматийный глянец» при изучении жизни и научного наследия Н.Н. Миклухо-Маклая?

«Я люблю вас, но живого, а не мумию. Навели хрестоматийный глянец», — писал Владимир Маяковский. Поэт обращался к А.С. Пушкину. Как я признался в предисловии к монографии о Н.Н. Миклухо-Маклае, сходные мысли приходили мне на ум при работе над этой книгой [Тумаркин 2011: 4]. Такие мысли возникли у меня в результате многолетнего изучения жизни и деятельности знаменитого путешественника и исследователя, а также анализа литературы по этой проблематике.

После того как в 1937 г. Миклухо-Маклай был объявлен по указанию «свыше» великим русским ученым-гуманистом, в советских научных и научно-популярных публикациях его действительные научные заслуги стали преувеличивать, а его борьба с расизмом и попытки защитить папуасов и других океанийцев приобрели поистине эпический размах. Пятьдесят лет назад, приступая к изучению этой проблематики, я опубликовал статью под характерным названием «Великий русский ученый-гуманист (К 75-летию со дня смерти Н.Н. Миклухо-Маклая)», в которой отдал дань господствовавшей тогда официальной оценке путешественника [Тумаркин: 1963: 3–15]. Но с годами, обнаруживая интереснейшие материалы в советских / российских и зару-

Даниил Давыдович Тумаркин
Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва
e-lands@yandex.ru

бежных архивах, внимательно вчитываясь в письма путешественника, которые, к счастью, сохранились и были впервые опубликованы в пятом томе академического собрания его сочинений [Миклухо-Маклай 1996], я постепенно менял свое безоговорочно восторженное отношение к этому во многих отношениях замечательному и удивительному человеку.

Погружение в «маклаиану» происходило в годы перестройки и в постсоветский период. Глубокие перемены и потрясения, в том числе в идеологической сфере, несомненно способствовали расширению моего идейно-теоретического кругозора, изживанию догматических стереотипов мышления. Этот процесс можно проследить по моим статьям о Миклухо-Маклае (см., например: [Тумаркин 1988; 1999]). В опубликованном в 2011 г. обобщающем труде я подвел итоги многолетних изысканий и четко обозначил свою авторскую позицию. Как подчеркивалось в предисловии, «реальный образ ученого отделен от легенд, домыслов и прочих наслоений. При подготовке монографии автор стремился избегать как идеализации своего героя, так и преуменьшения его действительных заслуг» [Тумаркин 2011: 3]. Иначе говоря, я провозгласил — и постарался осуществить — стремление быть максимально объективным, следовать правде истории.

Такая направленность книги была замечена и положительно оценена двумя авторитетными рецензентами. «Сочинений о Н.Н. Миклухо-Маклае огромное множество, — писал известный петербургский историк А.Я. Массов, сам изучавший историю пребывания “белого папуаса” в Австралии. — <...> Но все они — в том числе работы академического плана — грешат откровенной идеализацией, если не сказать мифологизацией образа Н.Н. Миклухо-Маклая. Отчасти это было связано с государственным заказом — Миклухо-Маклаю отводилась роль рыцаря без страха и упрека, национального героя и бессребреника, — отчасти сказывались идеологические ограничения. На труды серьезных ученых, возможно, помимо их воли, накладывала отпечаток устоявшаяся традиция иконизации знаменитого русского путешественника. Монография Д.Д. Тумаркина порывает с этой традицией и, по сути дела, является первым в отечественной научной литературе беспристрастным, тщательно аргументированным и объективным историко-биографическим исследованием. Последовательно, без какого-либо умиления или, наоборот, излишнего критиканства Д.Д. Тумаркин воссоздает жизненный и творческий путь своего героя» [Массов 2012: 177–178].

Аналогичное мнение высказал в своей рецензии московский исследователь В.А. Тюрин, один из крупнейших отечествен-

ных историков-востоковедов, специалист по истории ряда регионов, которые посещал Миклухо-Маклай: «Д.Д. Тумаркин впервые в истории отечественной (да и мировой) науки, посвященной Н.Н. Миклухо-Маклаю, создал труд, в котором этот незаурядный человек предстает таким, каким он был в жизни. <...> С первых страниц книги Д.Д. Тумаркин стремится очистить образ своего героя от мифологизированности и интерпретации, зависящих от идеологических установок той или иной эпохи» [Тюрин 2013: 191].

Однако такая авторская позиция не понравилась известному петербургскому историку и источниковеду Б.Н. Комиссарову, который тридцать лет тому назад опубликовал интересную статью о юных годах Миклухо-Маклая [Комиссаров 1983]. В рецензии, напечатанной в «Антропологическом форуме», он назвал меня «крупнейшим специалистом по этнографии и истории народов Океании», уже «полвека» изучающим жизнь и деятельность Миклухо-Маклая, отметил широкую источниковую базу монографии, исследование биографии путешественника «на фоне широкого контекста современной ему эпохи» [Комиссаров 2013: 344–346]. «В то же время, — заявил Б.Н. Комиссаров, — с реализацией одной, но весьма серьезной задачи, поставленной Д.Д. Тумаркиным в своей книге, мы согласиться не можем. Даниил Давыдович решительно выступил против идеализации и мифологизации своего героя, стремился, как признается сам, не преуменьшая его действительных заслуг, стереть с него “хрестоматийный глянec”» и в результате «пытается развенчать своего любимого героя, снизить значение его личности» [Комиссаров 2013: 346–347]. И далее: «Вспомним, ведь автор поставил своей задачей <...> “деидеологизировать” и “демифологизировать” образ путешественника и, надо сказать, решительно взялся за эту работу, решительно, но (да простится мне это выражение!) довольно неуклюже» [Комиссаров 2013: 356].

В ограниченных рамках письма в редакцию не могу ответить на все приведенные Б.Н. Комиссаровым примеры «незаслуженных критических стрел» и «неуклюжих» попыток «деидеологизации» и «демифологизации» — короче говоря, очернительства. Но коснуться наиболее существенных.

Почему Миклухо-Маклай не оставил обобщающих трудов о своих путешествиях? Б.Н. Комиссаров утверждает, что автор монографии «не дает ответа на этот вопрос» [Комиссаров 2013: 364]. Б.Н. Комиссаров подчеркивает, что «в тех гносеологических, временных, житейских и финансовых обстоятельствах, в которых находился Миклухо-Маклай, он не мог осуществить это по объективным, т.е. абсолютно не зависевшим от него, причинам». Это и «перманентные болезни и неизбывная нуж-

да», и слабое знакомство — в условиях длительной изоляции — с новыми теоретическими трудами и книгами путешественников, и недостаточность «поездок собственно по Новой Гвинее», и отвлечение внимания на «многое другое» (очевидно, имеется в виду его борьба за права папуасов и иных океанийцев) [Комиссаров 2013: 348, 364].

На самом деле, эти факторы подробно рассмотрены во многих главах монографии и перечислены на с. 494. Но помимо этих причин следует иметь в виду и некоторые особенности личности Миклухо-Маклая, которые помешали созданию обобщающих трудов. На это впервые обратил внимание мой глубокоуважаемый коллега и ближайший соратник в усилиях по выявлению и публикации научного наследия Миклухо-Маклая Борис Николаевич Путилов (1919–1997). Его соображения процитированы в моей монографии: «Миклухо-Маклай предстает перед нами как ученый, для которого работа по обобщению научных результатов многолетних путешествий оказалась чрезвычайно сложной не только из-за внешних обстоятельств (самых по себе очень важных), но и по причинам внутреннего, творческого порядка. *Как и что* писать, в каком объеме, в каких границах и в какой форме изложить итоги того, чему были отданы годы жизни, — эти вопросы, решавшиеся многими путешественниками [и современниками. — *Д.Т.*] Миклухо-Маклая с завидной легкостью и простотой, предстали перед ним как мучительно сложные» [Путилов 1981: 154; Тумаркин 2011: 494]. План издания обобщающих работ менялся исследователем неоднократно, но так и не был до конца определен.

«Наиболее слабыми частями монографии, по нашей оценке, — пишет Б.Н. Комиссаров, — являются те, в которых рассказывается о Миклухо-Маклае как о борце за права аборигенов, лицом к лицу столкнувшемся с международной и политической ситуацией своей эпохи и пытавшемся ей противостоять. Это противостояние оценивается в суммарном, синтезированном виде, в том числе по отзывам современников, как своего рода приговор, который и преподносится читателю» [Комиссаров 2013: 358].

В другом месте рецензии Б.Н. Комиссаров заявляет, что автор монографии оценил борьбу Миклухо-Маклая за права коренных жителей Океании «неадекватно и негуманно» [Комиссаров 2013: 361]. На самом деле, в монографии, начиная с гл. 4, подробно рассматриваются — с использованием архивных материалов, писем путешественника и других источников — все перипетии его борьбы с расизмом, в защиту островитян Океании, прежде всего обитателей Берега Маклая, но не преувеличиваются значение и эффективность этой борьбы. Такой под-

ход, связанный со стремлением удалить «хрестоматийный глянец», как уже отмечалось, не понравился рецензенту. «Миклухо-Маклай поднялся один против всей мировой колониальной системы и, конечно, был неизбежно обречен на поражение, — укоряет автора монографии Б.Н. Комиссаров. — <...> Стремление защитить папуасов от надругания, рабства, уничтожения побудили Миклухо-Маклая вступить в контакт, а затем и неизбежное противостояние с совершенно незнакомым ему жестоким, лицемерным и коварным миром расизма, наживы и территориальных захватов» [Комиссаров 2013: 359].

Такие широковещательные сентенции напоминают статьи о Миклухо-Маклае, которые сочинялись пропагандистами от науки в сталинские времена, хотя в другом месте рецензии Б.Н. Комиссаров упоминает об «удушающей сталинской и фарисейской послесталинской пропаганде образа путешественника как борца с империалистической реакцией» [Комиссаров 2013: 347].

В 1885–1886 гг. Миклухо-Маклай послал в Петербург три конфиденциальных отчета о положении в Австралии и Океании, в том числе данные о состоянии австралийских вооруженных сил, мерах по обороне портов и т.д. Путешественник сделал это вынужденно, по требованию российских властей, главным образом ради того, чтобы не лишиться надежды на их поддержку в его тяжбе с кайзеровской Германией, аннексировавшей Берег Маклая. Сведения, посланные Миклухо-Маклаем, сколько-нибудь значительной ценности не представляли. Б.Н. Комиссаров считает «кошунственным» вопрос, включенный в один из подзаголовков книги («Был ли шпионом Миклухо-Маклай?»), и мое предположение, что «белый папуас» стал «сам того не желая, разведчиком-дилетантом» [Тумаркин 2011: 508–509]. При этом рецензент ссылается на А.Я. Массова, который в книге, опубликованной в 1998 г., писал: «Использование Н.Н. Миклухо-Маклаем исключительно открытых источников уже само по себе позволяет решительно и однозначно отвергнуть возможность обвинения русского ученого в шпионаже. Его донесения не были результатом “разведывательной деятельности”» [Массов 1998: 161]. Но, ознакомившись с новыми материалами, содержащимися в моей монографии, А.Я. Массов в уже цитированной рецензии написал: «Открытие Д.Д. Тумаркина об использовании русским путешественником секретных каналов связи позволяет говорить о его более глубокой вовлеченности, чем это считалось раньше, в дела внешнеполитической и военной разведки» [Массов 2012: 180]. Отсюда ясно, насколько справедлив праведный гнев Б.Н. Комиссарова в связи с моей попыткой объективно рассказать об этой стороне деятельности Миклухо-Маклая в Австралии.

«Наконец, мы решительно, категорически возражаем против обывательски-сниходительного уподобления Н.Н. Миклухо-Маклая Дон-Кихоту, — пишет Б.Н. Комиссаров, — а его деятельности (причем не только связанной с борьбой за права папуасов, а всей, целиком, чего уж тут разбираться!) — донкихотству» [Комиссаров 2013: 363]. В этом вопросе рецензент не только упрощает, но фактически искажает авторскую позицию.

В монографии подчеркивается, что жизнь и деятельность «белого папуаса» получила самые разные оценки в мировой научной литературе. Русский революционный эмигрант Лев Мечников (брат знаменитого физиолога) в книге «Цивилизация и великие исторические реки» назвал Миклухо-Маклая «самым симпатичным из современных донкихотов» [Metchnikoff 1889: 72]. Австралийский историк О. Спейт впал в другую крайность, назвав русского путешественника «неудавшимся раджей Бруком», т.е. уподобил его английскому авантюристу Дж. Бруку, ставшему наследственным правителем Саравака [Spate 1984: VII].

Приведя эти полярные точки зрения, я написал, что «при всей условности подобных сопоставлений — сравнение, сделанное Мечниковым, ближе к истине, чем то, которое сделал Спейт» [Тумаркин 2011: 565]. При этом я подчеркнул, что «имелся в виду не герой Сервантеса, а определенный социально-психологический тип личности, названный в середине XIX в. в русской литературе и публицистике, с легкой руки Герцена и особенно Тургенева, именем Дон-Кихота. При всех различиях в трактовке этого образа можно все же выделить некоторые присущие ему черты. Это бескорыстный, наивный мечтатель, который с фанатическим упрямством, но безуспешно стремится приносить пользу человечеству в соответствии со своими идеалами» [Тумаркин 2011: 564]. «А все-таки без этих смешных Дон-Кихотов <...>, — подчеркивал И.С. Тургенев, — не подвигалось бы вперед человечество и не над чем было бы размышлять Гамлетам» [Тургенев 1998: 238].

Б.Н. Комиссаров сообщает читателям, что автор монографии позволил себе привести якобы оскорбительные строки Юлии Друниной. «Ах, Дон-Кихоты! Как Вы *не* смелы, геройства ваши — тема для острот» [Комиссаров 2013: 363]. Но рецензент неточно процитировал эти строки и оборвал высказывание поэтессы на полуслове, исказив ее мысль.

Ах, Дон-Кихоты! Как вы *ни* смелы,
Геройства ваши — тема для острот...
И все-таки, да здравствуют орлы,
Бросающиеся на самолет.

[Друнина 1967: 265]

Мысль Юлии Друниной сродни горьковской: «Безумству храбрых поем мы славу». Как сказал бы Михаил Жванецкий, тщательнее надо бы, уважаемый рецензент.

В последние годы в России усиливаются авторитарные тенденции, увеличивается идеологическое и административное давление на науку и культуру, в общественное сознание внедряются идеологемы, уходящие своими корнями не только в эпоху «культы личности», но и в монархическое прошлое. В этих условиях необходимо, на мой взгляд, не только продолжать (разумеется, без перегибов) удаление «хрестоматийного глянца» в работах научно-биографического жанра, при изучении истории науки, исследовании исторического процесса в нашей стране и во всем мире, но и стремиться не допускать в научном творчестве создания и возвеличивания новых кумиров.

Библиография

- Друнина Ю.* Страна юность. Избранные стихи. М.: Советский писатель, 1967.
- Комиссаров Б.Н.* Ранние годы Н.Н. Миклухо-Маклая (К истории первого петербургского периода жизни) // Советская этнография. 1983. № 1. С. 128–139.
- Комиссаров Б.Н.* Рец.: Тумаркин Д.Д. Белый папуас. Н.Н. Миклухо-Маклай на фоне эпохи. М.: Восточная литература, 2011 // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 344–366.
- Массов А.А.* Россия и Австралия во второй половине XIX века. СПб: МТИ, 1998.
- Массов А.А.* Рец.: Тумаркин Д.Д. Белый папуас. Н.Н. Миклухо-Маклай на фоне эпохи. М.: Восточная литература, 2011 // Этнографическое обозрение. 2012. № 5. С. 177–181.
- Миклухо-Маклай Н.Н.* Собр. соч. в шести томах. Т. 5. Письма, документы и материалы. М.: Наука, 1996.
- Путилов Б.Н.* Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. М.: Наука, 1981.
- Тумаркин Д.Д.* Великий русский ученый-гуманист (К 75-летию со дня смерти Н.Н. Миклухо-Маклая) // Советская этнография. 1963. № 6. С. 3–15.
- Тумаркин Д.Д.* Миклухо-Маклай и его наследие (к 100-летию со дня смерти) // Советская этнография. 1988. № 2. С. 3–15.
- Тумаркин Д.Д.* Николай Николаевич Миклухо-Маклай (Биографический очерк) // Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч. В 6 т. М.: Наука, 1999. Т. 6. Ч. 1. С. 553–673.
- Тумаркин Д.Д.* Белый папуас. Н.Н. Миклухо-Маклай на фоне эпохи. М.: Восточная литература, 2011.
- Тургенев И.С.* Гамлет и Дон-Кихот // Тургенев И.С. Собр. соч. М.: Terra, 1998. Т. 13.

Тюрин В.А. Рец.: Тумаркин Д.Д. Белый папуас. Н.Н. Миклухо-Маклай на фоне эпохи. М.: Восточная литература, 2011 // Восток. 2013. № 1. С. 191–199.

Метchnikoff L. La civilization et les grands fleuves historiques. P.: Achette, 1889.

Spatte O.H.K. Foreword // Webster E.M. The Moon Man. A Biography of Nikolai Miklouho-Maclay. Carlton: Melbourne University Press, 1984.

Даниил Тумаркин